

Глава 31. Я не хочу, чтобы ты рисковал жизнью

— Когда отец погиб, я был ещё младенцем, мне и месяца не исполнилось, — начал Цинь Шэнь.

— Мать умерла от тоски, но отчасти в этом была и моя вина. Если бы не роды, её душевное состояние не было бы таким подавленным и неустойчивым, что усугубило её болезнь.

— Второму брату, Цинь Туаню, тогда было всего два года. Старшему в четырнадцать лет пришлось одному взвалить на себя все заботы о резиденции князя Лу. Через два года он женился. Нас обоих вырастили Цинь Сюнь и его жена. В детстве я по глупости называл их «маленьким папой» и «маленькой мамой», и надо мной долго смеялись, прежде чем я переучился.

— Чтобы заботиться о нас, они даже договорились не заводить детей в течение пяти лет, пока я не повзрослею и не начну учиться.

— Когда мне было шесть, а Цинь Туаню — восемь лет, супруга старшего брата забеременела. Вся семья была очень рада. Новорождённый племянник был очарователен, мы с Цинь Туанем постоянно спорили, кто будет его нянчить. Но, как говорится, беда приходит неожиданно — не прошло и полугода, как ребёнок умер от оспы. Брат с женой были убиты горем и целых два года приходили в себя, прежде чем решились на второго ребёнка.

— Со вторым малышом всё обернулось ещё трагичнее — он умер едва дожив до месяца, захлебнувшись молоком. После этого на протяжении десяти с лишним лет супругов словно преследовал злой рок — ни один ребёнок не выживал. Во время её последней беременности лекари из резиденции и придворные врачи делали всё возможное, чтобы сохранить плод, но в итоге погибли и мать, и дитя.

— Именно в то время брат начал принимать порошок пяти минералов. Я бесчисленное множество раз твердил, что это губительное снадобье, — словно пьёшь яд, чтобы утолить жажду, — но он отвечал, что только в наркотическом бреде может воссоединиться со своей любимой женой и умершими детьми.

— По правилам, если у князя к двадцати пяти годам нет наследника, он должен взять вторую супругу для продолжения рода. Но брат тянул до тридцати двух лет, так и не женившись во второй раз, не взяв наложниц и не имея детей. Император и великая княжна хотели сосватать ему новую жену, но у каждого был свой кандидат. Обе девушки были из знатных семей и подходили для брачного союза, но принадлежали к разным придворным группировкам. Брат не желал становиться пешкой в политических играх и неожиданно взял в наложницы сестёр Ань, простолюдинок, а в Ведомство по делам императорского клана сообщил, что взял нескольких служанок и старается произвести на свет наследника.

— Так вопрос о второй женитьбе и отпал. Прошёл год, но ни одна из женщин в доме так и не забеременела. Пошли слухи, что из-за многолетнего употребления порошка пяти минералов он давно утратил мужскую силу.

— В последний раз я видел его четыре года назад, в день тридцатитрёхлетия. Праздник был скромным, в основном собрались только свои: близкие родственники из императорского клана, знать и потомки соратников отца. На пиру Цинь Сюнь выглядел бодрым, поел, выпил вина и рано лёг спать.

— Глубокой ночью разразилась гроза, ливень лил как из ведра. Брат внезапно выбежал из своих покоев, растрёпанный, в растерзанной одежде, и, покинув пределы резиденции, во весь опор понёсся по улицам города.

Ливень хлестал по тёмному городу, заглушая все звуки. Лишь вспышки молний на мгновение выхватывали из мрака одинокую бегущую фигуру.

Девятнадцатилетний Цинь Шэнь преследовал его. Дождь застилал глаза, и юноша, то и дело утирая лицо, пытался догнать беглеца. Стоило ему открыть рот, как внутрь вливалась вода, заставляя кашлять и отплёвываться.

— Брат! — срывая голос, кричал он.

Цинь Сюнь, казалось, не слышал. Он бежал как одержимый, словно сжигая в этом беге последние остатки жизненных сил.

Когда он споткнулся о бамбуковый шест и упал, Цинь Шэнь, утопая в грязи, подбежал к нему. Белая ночная рубашка брата была распахнута, мокрая ткань, как бумажный змей, прилипла к плечам и спине, а длинные волосы облепили лицо и грудь.

Он сидел полуголый в луже, тяжело дыша. Этот человек, всегда такой утончённый и элегантный, с улыбкой, подобной свежему ветру в лесу, сейчас выглядел жальче бродячей собаки.

Цинь Шэнь опустился на колени напротив него, схватил его за плечи и закричал:

— Брат! Брат! Очнись, вернёмся домой!

Цинь Сюнь, опустив голову и захлебываясь водой, со стоном умирающего прошептал:

— Жарко, мне так жарко... Кожа трётся об одежду, горит, словно огонь из самих костей вырывается...

— Это действие порошка пяти минералов, — с болью в сердце обнял его Цинь Шэнь. — Брат, вернёмся в резиденцию, я позову лекаря, он даст тебе снадобье, чтобы облегчить страдания. —

Он обхватил исхудавшее тело старшего и попытался поднять его с земли.

— Призраки, в доме призраки... — задрожал в его объятиях Цинь Сюнь. — В резиденции князя Лу умерло столько людей: отец, мать, Цзяюй, и пятеро детей, моих детей... А-Шэнь, спаси меня, скажи, как мне освободиться...

Слёзы Цинь Шэня смешались с дождем. Он уткнулся лицом в шею брата.

Сколько лет при дворе и в народе говорили, что Цинь Сюнь ничуть не похож на своего отца: не умеет ни воевать, ни плести интриги, не блещет ни умом, ни талантом. Но Цинь Шэнь знал, что тот делал всё, что было в его силах. Он любил своих братьев, жену, детей, не любил убивать и не стремился к власти — он просто хотел жить спокойной и теплой жизнью, как обычный человек.

Но даже это простое желание было для него недостижимо!

— Брат, на свете нет призраков, только люди. Мёртвых не вернуть, а живые должны жить. У тебя есть я, есть Цинь Туань, мы справимся и будем жить дальше.

Цинь Сюнь резко поднял голову и впился в него взглядом. Вспышка молнии осветила его мертвенно-бледное лицо и безумные глаза.

— Это Цинь Туань! — прошипел он, скрижеща зубами. — Цинь Туань убил отца, мать, Цзяюй, убил моих детей! Это всё он сделал!

Цинь Шэнь, всё ещё поддерживая его, застыл в шоке.

«Брат, неужели ты окончательно сошёл с ума?»

Когда умерли их родители, второму брату было всего два года! Когда умерла супруга старшего, Цинь Туань так горевал, что слёг от болезни. Зачем ему убивать своих родных? Он же не сумасшедший!

— Брат, пойдём, вернёмся, — сказал Цинь Шэнь и, перекинув руку Цинь Сюня через своё плечо, полусилой потащил его за собой.

Но Цинь Сюнь мёртвой хваткой вцепился в его предплечье, словно пытаясь вырвать из глубины души свой страх.

— Я не вернусь! Я буду бежать дальше, вон из этого города, из этого мира, где не отличить людей от призраков! А-Шэнь, я...

Он внезапно закашлялся, согнувшись пополам, и изо рта у него хлынула чёрная кровь, заливая рукав Цинь Шэня.

— Брат! — вскрикнул младший.

Дождь продолжал лить, смывая кровь с рукава, и она, стекая на землю, впитывалась в почву. Но жар, выплеснувшийся вместе с ней, навсегда отпечатался в памяти Цинь Шэня.

Молнии, одна за другой, пронзали ночную тьму, но не могли осветить ни дождливую ночь, ни человеческие сердца. Тело Цинь Сюня билось в страшных конвульсиях, изгибаясь, как лук, словно марионетка, которую дёргают за невидимые нити. В предсмертной агонии его рвало кровью, в которой виднелись ошмётки внутренних органов.

Он лежал на боку, а Цинь Шэнь, опустившись на колени рядом, закрывал его собой от дождя. Это было всё, что младший брат мог для него сделать.

Цинь Сюнь, с закрытыми глазами, но всё ещё в сознании, дрожащими пальцами потянул за запястье. Со второй попытки он снял чётки из семян бодхи, которые никогда не покидали его, и с трудом положил их на колено Цинь Шэня.

— А-Шэнь, — выдыхая кровавую пену, через силу проговорил он, — я не достоин быть сыном своего отца, не достоин носить титул князя Лу. Ты... ты!

— Брат, это не так, — Цинь Шэнь крепко сжал его ладонь, отчаянно качая головой. — Ты сделал всё, что мог, правда. Если бы не ты, я не знаю, во что бы превратилась наша семья... Не все могут быть такими героями, как отец, расширять границы и защищать народ. Но ты, брат, ты — мой герой.

— Возьми... я сам вырезал на этих зёрнах бодхи «Алмазную сутру», она защитит тебя... В моей спальне, в потайном ящике у изголовья, лежит мешочек с конскими костями. Это кости ног «Десяти тысяч пиков зелёных гор», коня, на котором отец прошёл все походы. Забери их. Я так долго искал в Северной Ляо, но нашёл только останки скакуна, а отца... я подвёл вас всех...

— Ты никого не подвёл! — Цинь Шэнь сжал в своей руке ладонь брата вместе с чётками. Кровь под его пальцами казалась сгустком неутолимой боли, но и её безжалостно смывал дождь.

— Ань... Ань... в резиденции... пусть уходят... живите хорошо... — едва слышно прошептал умирающий свои последние слова.

Его вторая рука бессильно упала, коснувшись костяшками пальцев грязной лужи.

Цинь Шэнь склонился, прижавшись лбом к остывающему телу, и в этой беспросветной мгле выплакал все слёзы своей юности.

В комнате повисла гнетущая тишина.

Та грозная ночь так и не ушла из жизни Цинь Шэня. Каждый раз, когда он перебирал чётки, в его ушах раздавался шум ливня, сопровождаемый запахом крови.

Еян Цы, словно тоже услышав отчаянные крики на той дождливой улице, не решился спросить, что было дальше.

Но Цинь Шэнь оказался сильнее и твёрже, чем он ожидал.

— Похороны брата прошли по всем правилам княжеского ритуала, — ровным голосом продолжил он. — Организацией занимался Цинь Туань. Я три дня и три ночи провёл у гроба и наконец забылся сном от изнеможения. А когда проснулся, женщин из внутреннего двора в резиденции уже не осталось.

— Две вторые наложницы ночью бросились в воду. Остальные — я сомневаюсь, что брат вообще их касался, он взял их лишь для отвода глаз перед Ведомством по делам императорского клана — повесились. Все кругом говорили, что они последовали за своим господином, что они были верными жёнами. Второй брат даже написал об этом донесение императору. Двор восхитился их преданностью и велел воздвигнуть в их честь арку из белого мрамора. Надпись «Далёкие волны, лёд и снег», начертанная кистью самого государя, до сих пор на устах у жителей Ляочэна.

— Я не мог в это поверить и потребовал объяснений у Цинь Туаня. Тот заявил, что такова была последняя воля покойного, и показал мне предсмертную записку, найденную на столе в кабинете. Там было написано: «Раз тело ушло, должно следовать за ним, как розовой пудре не жаль обратиться в прах». Он сказал, что, увидев эти строки и осознав волю мужа, женщины в ту же ночь покончили с собой.

— Неправда! — нахмурился Еян Цы. — Последние слова, которые Цинь Сюнь прошептал тебе, хоть и были обрывочными, позволяют понять истинный смысл. «Ань, Ань» — это две наложницы, «в резиденции... пусть уходят» — он хотел, чтобы они получили свободу и покинули резиденцию, чтобы «жили хорошо». Цинь Сюнь никогда не желал им смерти и уж тем более не мог оставить записку, толкающую женщин в петлю.

— Да, — Цинь Шэнь посмотрел на него с глубоким чувством. — Именно такова была истинная воля моего брата. Из-за этого случая я и начал подозревать Цинь Туаня, а потом вспомнил те слова в бреду: «Цинь Туань убил всех». Возможно, это не было плодом воображения.

— Те две наложницы, что якобы бросились в воду, и есть Ань Ляньжу и Ань Цзялань? Как им удалось спастись? — спросил Еян Цы.

— Тогда никто не знал, что Цзялань была беременна, — ответил князь. — Она не хотела умирать и не верила, что мой брат мог обречь их на гибель. Они с сестрой инсценировали самоубийство и тайно сбежали из города.

— Поскольку тел не нашли, я продолжал поиски целых три года. Прошлой зимой мне наконец удалось разузнать, что они с ребёнком скрываются в глуши и живут в крайней нужде. Я отправился в горы в самую метель и привёз их к себе в Гаотан. Опасаясь, что второй брат, проведав о них, решит закончить начатое, я объявил их своими наложницами.

— Почему ты не поселил их где-нибудь на стороне? Можно было купить поместье, обеспечить их всем необходимым, и тебе не пришлось бы так рисковать репутацией.

— Они были законными супругами моего старшего брата, а не тайными любовницами. Племяннику уже три года, его нужно воспитывать с честью, он не должен жить как бастард. Сейчас пребывание в моей резиденции — лишь временная мера. Рано или поздно я верну им их подлинные имена и положение, которого они достойны.

Этот ответ вполне соответствовал характеру Цинь Шэня, но, услышав его лично, Еян Цы почувствовал искреннее восхищение. Он наполнил кубок и поднял его:

— Я пью за вас, князь.

— На этот раз, отправляясь на встречу с Цинь Туанем, я знаю, что каждый мой шаг будет сопряжён с опасностью, — ответил Цинь Шэнь, принимая ответный жест. — Но я три года готовился к этому моменту. У каждого из нас свои расчеты, и пусть исход решит судьба.

Чаша в пальцах Еян Цы слегка дрогнула, по поверхности вина пошла мелкая рябь. Он опустил глаза и тихо произнёс:

— Ты не умрёшь.

<http://bllate.org/book/15875/1442942>